

ЭТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ КАЛМЫКОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н. В. Бадмаева, Б. В. Иджаева

Abstract: В статье рассматриваются традиционное хозяйствование калмыков в начале XX в. в рамках разумного природопользования, виды традиционного хозяйствования, причины современного бедственного экологического положения региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта «Интеграция гуманитарно-экологических и социально-политических действий в целях принятия управленческих решений» № 14-46-01031 «(№14-01-96500) – p_yog_a».

Keywords: традиционное природопользование, эколого-хозяйственная система производства, окружающая среда, Калмыкия, калмыки, калмыцкая степь, опустынивание.

Проблемы сохранения природной среды, экологической безопасности в настоящее время приобретают особое значение в условиях современной экологической ситуации в Калмыкии. Как известно, антропогенное влияние на природу степей приводит зачастую к необратимым изменениям среды обитания. Одним из таких изменений в Калмыкии является опустынивание. В тексте Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием дается следующее определение этого термина. Опустынивание представляет собой деградацию земель в засушливых, полузасушливых и сухих субгумидных районах в результате действия различных факторов, включая изменение климата и деятельность человека (Конвенция ... , Электр.

Бадмаева Ноган Вячеславовна - младший научный сотрудник Отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста.

Иджаева Баира Владимировна - младший научный сотрудник Отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста.

ресурсе). На состояние опустынивания большое влияние оказывает совокупность как природных, так и антропогенных факторов (степные пожары, распашка пастбищ). В Калмыкии опустынивание развивается на фоне таких природных факторов, как засуха и колебание уровня Каспийского моря, которое оказывает огромное влияние на прибрежные экосистемы. Из антропогенных факторов опустынивания в настоящее время продолжает доминировать деградация растительности под влиянием выпаса скота, вызывающая на бурых почвах ветровую эрозию (Борликов, Харин, Бананова, Татеиши, 2000: 37).

Поскольку почти вся Калмыкия находится в зоне аридного климата, в настоящее время процессами опустынивания в той или иной степени охвачено 83% территории республики. Процесс опустынивания в Калмыкии приводит к формированию открытых и назакрепленных песчаных массивов. 25 населенных пунктов были занесены и (или) заносятся песком.

К 1987 г. площадь открытых песков составила 10% территории Калмыкии. Сильному и очень сильному опустыниванию подверглось 47,8% территории республики. Масштаб проблемы к признанию Калмыкии зоной экологического бедствия. Постановлением Совета министров РФСФР в 1989 г. утверждена «Генеральная схема по борьбе с опустыниванием Черных земель и Кизлярских пастбищ». В соответствии с утвержденной схемой были начаты активные фитомелиоративные мероприятия по восстановлению деградированных пастбищ и закреплению песков. Были освоены технологии фитомелиорации на различных почвах, производство семян, трав и посадочного материала. Объемы фитомелиоративных работ возросли с 20 тыс. га в 1986 г. — до 100 в 1992 г. Однако недостаток финансовых ресурсов привел к постепенному сворачиванию работ (Борликов, Харин, Бананова, Татеиши, 2000: 44).

Тем не менее, фоновой для Калмыкии стала слабая стадия опустынивания — 71,9%, сильная и очень сильная — занимают 13,3%, тогда как первая из них в 1987 г. составляла всего 8,3%. В частности, этому способствовало резкое снижение в 1990-х годах поголовья выпасаемого скота, смена аридного климатического цикла на гумидный привели к демутации растительного покрова пастбищ. С 1989 г. увеличилось количество выпадаемых осадков в пределах региона с 180 мм до 320 мм и более, снизилось количество дней с пыльными бурями и суховеями.

Более поздние полевые исследования показали, что к 1996 г. хозяйственное состояние пастбищ региона резко улучшилось, фоновой стала слабая стадия опустынивания 67,8%. Главными причинами демутации

растительного покрова пастбищ стали резкое снижение поголовья выпасаемого скота, смена аридного климатического цикла на гумидный (влажный) (там же: 46).

Несмотря на это, проблема опустынивания Калмыкии не утратила своей остроты, т. к. увеличение антропогенной нагрузки, аридности климата могут вновь вызывать активизацию процессов опустынивания и, как следствие, ухудшение социально-экономического развития региона, что отражается на благосостоянии населения. По оценкам специалистов, в настоящее время идет усиление процесса опустынивания, ухудшение состояния пастбищ.

Сложная экологическая ситуация в республике обуславливает возросший интерес к традиционному способу хозяйствования калмыков, при котором сохранялась благоприятная экосистема региона. Изучение традиционных компонентов хозяйствования этноса приводит к выявлению традиций неразрушающего природопользования конкретной местности. В этой статье рассматриваются этно-экологические компоненты хозяйствования калмыков в начале XX в., их разумное природопользование и причины, нарушившие традиционный баланс хозяйственной деятельности человека и состоянием окружающей среды.

В конце XIX — начале XX века Калмыкия являлась одной из наиболее отсталых окраин царской России. Главной отраслью экономики было сельское хозяйство. Как отмечает С. Б. Бадмаев, экономика Калмыкии носила экстенсивный характер с преобладанием скотоводства над земледелием (Бадмаев, 1979: 5). После 1917 г. был взят курс на интенсификацию развития сельского хозяйства. Социалистическое переустройство сельского хозяйства предполагало кооперирование крестьянства в совхозы и колхозы. В виду того, что калмыки в то время еще вели кочевой образ жизни, объединение в колхозы вызывало дополнительные трудности, поскольку этот процесс был связан с одновременным переходом к оседлости.

Согласно концепции интенсификации животноводства предполагалось, что достаточно увеличить поголовье скота, ввозить недостающее количество кормов, построить откормочные комплексы, и Калмыкия станет крупным производителем мяса, кожи, шерсти. Но такая интенсификация, призванная увеличивать и удешевлять производство, дала обратный результат. Из региона стабильного животноводства в дооктябрьский период Калмыкия превратилась за советские годы не только в зону безнадежно убыточного сельскохозяйственного производства, но и в зону с утраченными пастбищами, с наступающей пустыней, то есть в зону эко-

логического бедствия. Одной из главных причин, приведшей к такому результату, историки называют пренебрежением историческим опытом предков (Команджаев, 1999: 16).

Таким образом, мы видим, что начало этой негативной тенденции было положено в 1920-х годах форсированными темпами изменения привычного уклада жизни. В итоге за 1920–1930 годы произошло коренное изменение структуры народного хозяйства, что при общей неготовности народа к такому переходу и отсутствию надежной кормовой обеспеченности закономерно привело к опустыниванию значительных пространств калмыцкой степи. Как отмечает А. Н. Команджаев, упадок хозяйственной культуры калмыков последовал в годы депортации и частично в 1960–1970 годы (там же: 9). За эти годы были практически ликвидированы верблюдоводство, коневодство и разведение овец калмыцкой породы. Ныне 70% калмыцких домашних животных составляют тонкорунные овцы и 30% крупный рогатый скот. Также возросла доля растениеводства, что является неэффективным, а порой и губительным фактором в условиях аридной зоны.

Такое нерациональное использование земель и пастбищ привело не только к упадку сельскохозяйственного производства, но и к признанию республики зоной экологического бедствия. Поэтому целесообразно дать некоторую характеристику ведения скотоводческого хозяйства в дооктябрьский период, как пример разумного природопользования населения в условиях аридной зоны.

В этот период, исходя из почвенно-климатических условий, уже сложилась некоторая специализация калмыцкого скотоводческого хозяйства: были выделены три экономические зоны, которые различались соотношением земледелия и животноводства — западная, центральная, восточная (Бадмаев, 1979: 5).

Западная зона — скотоводческо-земледельческая. В нее входил Большедербетовский улус Ставропольской губернии, который имел 286490 десятин земли, из них удобная для пастбищ площадь составляла 181726 десятин. По почвенно-климатическим условиям эта зона наиболее благоприятна, поэтому земледелие как самостоятельная хозяйственная отрасль здесь успешно развивалось. По данным переписи 1897 г. им занималось более 15% населения улуса. Со временем земледельческое производство стало опережать животноводческое: в иные годы калмыки продавали зерна на сумму, в 1,5–2 раза превышавшую сумму от продажи скота. В 1903 г. в улусе под личной обработкой калмыцких хозяйств находилось

12549 десятин пашни и под совместной обработкой 42681 десятин. Улусу принадлежало 41653 головы овец и коз, 28254 головы крупного рогатого скота, 2667 лошадей, 95 верблюдов и 338 свиней (там же: 6).

Две другие зоны располагались на территории Астраханской губернии. Центральная зона — скотоводческая, с наметившейся тенденцией перехода к скотоводческо-земледельческому хозяйству. На этот регион приходилось 3164216 десятин земли (51% площади, занимаемой калмыцким населением на территории Астраханской губернии), из которых удобная земля составляла 3036296 десятин. Здесь было сосредоточено 45,5% калмыцкого населения Астраханской губернии. В зону входили — Малодербетовский, Манычский, Икицохуровский улусы. Согласно обследованию 1909 г. калмыцкими хозяйствами засеивалась площадь 13377 десятин или 99,9% всей посевной площади степи. На эту зону приходилось 70,9% (101610 голов) крупного рогатого скота, 59,1% (288606 голов) овец, 61,8% (42216 голов) лошадей, 49,3% (10339 голов) верблюдов (там же: 7). Население перечисленных выше улусов было самым крупным держателем скота. По видам животных крупнейшими производителями лошадей были хозяйства Малодербетовского и Икицохуровского улусов, крупного рогатого скота и овец — Малодербетовского и Манычского, верблюдов — Икицохуровского.

Восточная зона — чисто скотоводческая, лишь калмыцкие хозяйства, расположенные вдоль Волги и Каспийского побережья, занимались рыболовством или сочетали его с животноводством. Она занимала 2949988 десятин земли (48,3%), в том числе удобной 256583 десятин. Населению данного региона принадлежало 40746 голов крупного рогатого скота, 195351 голов овец, 25232 голов лошадей, 10766 верблюдов. Здесь проживало 60450 чел. или 54,1% калмыцкого населения Астраханской губернии. Здесь располагались Багацохуровский, Харахусовский, Александровский, Эркетеневский и Яндыко-Мочажный улусы. К началу века здесь были отмечены низкие нормы содержания скота, которые вызваны тем, что пастбища не могли вынести большой нагрузки. В Багацохуровском улусе наблюдается самый большой процент бесскотных хозяйств (30%) и число «отходников» на рыбные и соляные промыслы, а также на различные сельскохозяйственные работы. То же самое можно сказать и о других улусах (Бурчинова, Команджаев, 1989: 27).

В каждой зоне выработались свои нормы содержания скота. Такая порайонная специфика сложилась не случайно, а в результате многовекового приспособления калмыков к жизнедеятельности в условиях засуш-

ливых степей (Сюйва, 1989: 73). Превышение нормы означало перегрузку пастбищ и их уничтожение, и, как следствие, — падение жизненного уровня. Нехватка средств, поступавших от животноводства, калмыки старались восполнить за счет других занятий: земледелия — в Малодербетовском, частично — в Манычском, рыболовства — в Яндыко-Мочажном, частично — в Эркетеневском улусах или же найма на сельскохозяйственные работы. В улусах, где отмечены низкие животноводческие нормы на семью (Александровский, Багацохуровский, Эркетеневский) встречалось больше всего хозяйств (соответственно 72%, 68,6 % и 43,3 %), занимавшихся отходничеством. В Яндыко-Мочажном и Малодербетовском улусах было мало отходников, потому что здесь бесскотные хозяйства имели возможность заняться рыболовством или земледелием. В Харахусовском улусе отходничеством не занимались из-за самой высокой в Калмыкии численности скота, приходящейся на одно хозяйство. Это касается и Икицохуровского улуса, где была довольно высокая обеспеченность скотом. Доходы от коневодства и разведения крупного рогатого скота здесь были самыми значительными. Эти причины свели к минимуму необходимость в отходничестве.

Таким образом, необходимый прожиточный минимум калмыки обеспечивали себе не только животноводством, а также в отдельных районах — земледелием и рыболовством, и повсеместно — за счет найма на сельскохозяйственные работы, на рыбные и соляные промыслы. Сложились оптимальные для условий Калмыкии нормы животноводства, выведенные самой жизнью — 16,6 условных единиц крупного рогатого скота на хозяйство.

Следует отметить, что определенные нормы сложились и на расход скота. В 1912 г. калмыки продавали: лошадей — 8719 (11,9 % от общего поголовья), крупного рогатого скота — 23162 (13,86 %), овец — 74221 (11,5 %), верблюдов — 1878 (7,6 %), коз — 2716 (15,8%) (там же: 81). Суммарное поголовье проданных животных составляло 52993 условные единицы крупного рогатого скота, то есть 12,3 % от общей численности. Самой товарной отраслью являлось разведение крупного рогатого скота, затем — коневодство, за ним — овцеводство, а на последнем месте — верблюдоводство. Однако 12,3 % — это не только доля продаваемого скота. Кроме того, 5,3 % скота жители Калмыкии употребляли в пищу, 0,3–0,5 % жертвовали в хурулы. Если же к этому добавить ежегодный падеж (6%), то выходит, что общая доля «отхода» животноводства составляла около 24%. Это и есть выведенная нашими предками допустимая норма расхода, которая по-

зволяла животноводству дооктябрьской Калмыкии не только самовосстанавливаться, но и наращивать прирост. Таким образом, ориентировочно можно считать, что для нормального самовосстановления и некоторого прироста животноводства расход может составить около 25% от общей численности скота.

Обращает на себя внимание способность калмыцкого животноводства к самовосстановлению после губительных стихийных бедствий. Это подтверждает как общая динамика животноводства по Калмыкии, так и по отдельным улусам. Например, гололедная и метельная зима 1896–1897 гг. уничтожила в Харахусовском улусе 80% овец, лошадей — 75%, крупного рогатого скота — 14%. Тем не менее, через пять лет скотоводы улуса полностью восстановили прежнее поголовье, частично превысив его, обойдясь при этом без массовых закупок скота извне. Для восстановления прежнего поголовья скотоводы стали, во-первых, создавать кормовую базу, доведя ежегодную заготовку сена, камыша и соломы накануне первой мировой войны до 10,5 млн пудов, из которой 25–30 % покупались у переселенцев. Львиная доля (свыше 70%) заготовок кормов приходилась на Малодербетовский, Манычский и Икицохуровский улусы. Во-вторых, большое значение придавалось обводнению Калмыцкой степи. Для чего скотоводы занимались рытьем колодцев и устройством искусственных прудов. По данным начала века только за 1900 г. в калмыцких улусах было возведено 25 плотин для сбора талой и дождевой воды и вырыто свыше 500 колодцев. Тогда же в Калмыкии было вырыто три артезианских колодца: один — в Эркетеневском, два — в Икицохуровском улусах (Сюйва, 1989: 77).

Теперь необходимо дать характеристику основных животноводческих отраслей.

Коневодство. Обследование 1909 г. отметило, что в Калмыкии лошади в основном метисы калмыцкой породы с донскими, арабскими, орловскими рысаками и прочими. С конца XIX века вплоть до 1917 г. заметен динамичный рост поголовья лошадей. Это связано с тем, что с 1891 г., то есть с момента проведения военно-конской переписи, калмыцкие коневоды получили надежный рынок сбыта в лице военного ведомства. Калмыцкие лошади отвечали всем требованиям этого министерства. В Калмыкии предприимчивые коневоды стали учреждать конные заводы, в которых проводилась селекционная работа. На договорных началах был обеспечен планомерный сбыт лошадей в кавалерийские части. Заметна

была очень сильная концентрация калмыцкого коневодства в руках нескольких десятков лиц. Широко были известны конные заводы Э.-У. Дондукова, Т. Тундугова, М. Цембилеева и других.

Крупный рогатый скот. Это скот красной калмыцкой породы. Средний вес каждой головы составлял около 25–30 пудов. Ареалом распространения красной породы скота был весь юг и юго-восток европейской России. Племенные производители поставлялись в Екатеринославскую, Саратовскую, Ставропольскую, Самарскую и другие губернии, в Закаспийскую область. Цена калмыцкого скота превышала на 60-70 % цену скота местных пород.

Овцеводство. В астраханских улусах почти все поголовье овец было калмыцкой курдючной породы, отличавшейся неприхотливостью и максимальной приспособленностью к местным условиям. Средний вес овец составлял 4 пуда, настриг шерсти — 2,46 кг. Племенные образцы калмыцких овец поступали даже в американский рассадник «Эль-Пазо» (Бурчинова, Команджаев, 1989: 33). Из общей численности овец, которые имелись у астраханских калмыков 3,5% — тонкорунное поголовье (22 тыс.). Это совершенно ничтожная доля, даже несмотря на то, что тонкорунная шерсть стоила в два раза дороже шерсти калмыцких овец. Цена мериносов также превышала в 1,5–2 раза стоимость курдючных овец. Но было бы ошибкой считать, что калмыки не разводили мериносов потому, что не были знакомы с ними или настолько были далеки от рынка, что не осознавали более высокую степень их товарности. Это не соответствует истине. О высокой культуре овцеводства у калмыков можно судить по тому, что в ходе многовекового опыта была выведена именно калмыцкая порода овец с ее исключительной приспособленностью к засушливым степям. Эта порода овец являлась своего рода частью природного баланса. Вот почему калмыки выступали против выпаса тонкорунных овец, нарушавших экологическое равновесие степи. В Большедербетовском улусе картина была иной. Здесь мериносы составляли половину общего поголовья овец. Это объясняется совершенно другими почвенно-климатическими условиями, сходными со Ставрополем и наличием кормовой базы. Вместе с тем в 1901 г. в улусе насчитывалось 90 тыс. мериносов, в 1911 — 30 тыс. То есть за 10 лет произошло их сокращение в три раза. Дело в том, что предприимчивые хозяева стали заниматься земледелием. Таким образом, в Большедербетовском улусе пшеница в скоротечной конкурентной борьбе вытеснила овец как более рентабельная продукция для этого региона. Почти все тонкорунное овцеводство Калмыкии было сосредоточено в ру-

ках переселенцев (свыше 700 тыс. голов). Только в Улан-Эрге насчитывалось около 150 тыс. мериносов, в Элистинской и Приютненской волостях — 120 тыс. Естественно, что для их содержания требовались значительные пастбищные пространства, с хорошим травостоем, которых в Калмыкии не хватало. Это свидетельствует о том, что переселившиеся сюда крестьяне еще не успели перенять местную культуру животноводства.

Верблюдоводство. Эта отрасль животноводства является незаменимой в зоне пустынь и полупустынь, поскольку верблюды приспособлены к ее климатическим условиям, способны питаться скудной растительностью и долго обходиться без воды. Калмыцкая порода верблюдов — бактрианы обладают неповторимыми биологическими и продуктивными качествами, что позволяет использовать природные резервы полупустынной и пустынной зон и производить дополнительное количество мяса, молока, а также шерсти, которая в дореволюционное время продавалась по цене тонкорунной (Президентская целевая программа..., 2001: 29).

Таким образом, как отмечает С. П. Павлов, в калмыцкой степи была сформирована равновесная эколого-хозяйственная система производства, особая материальная культура (Павлов, 2001: 121). Строго определенный видовой, породный и количественный состав животных складывался веками, исходя из конкретных природно-климатических условий, наличия достаточной площади, пропорционально необходимых летних и зимних пастбищ. Их биологическое разнообразие и кормовая емкость поддерживались, благодаря приобретенному опыту этноса. Сложившаяся материальная культура и хозяйственная система обеспечивали, с одной стороны, экологическую безопасность территории, а с другой, — экономическую целесообразность хозяйственной деятельности.

Список литературы:

- Бадмаев, С. Б. (1979) Развитие экономики Калмыкии. Элиста.
- Борликов, Г. М., Харин, Н. Г., Бананова, В. А., Татеиши, Р. (2000) Опустынивание засушливых земель Прикаспийского региона. Ростов-на-Дону : СКНЦ.
- Бурчинова, Л. С., Команджаев, А. Н. (1989) От феодализма к капитализму. Элиста.
- Команджаев, А. Н. (1999) Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX в. Исторический опыт и современность. Элиста.
- Павлов, С. П. (2001) Эколого-экономические аспекты этнохозяйственной культуры // Динамика ценностных и культурных ориентаций народов Калмыкии. Сборник Калмыцкого государственного университета. Элиста.
- Президентская целевая программа возрождения традиционного пастбищного животноводства (2001–2010 гг.) (2001). Элиста.

Суйва, В. (1989) Кто остановит барханы? Элиста.

Конвенция Организации объединенных наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают постоянную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке [Электронный ресурс] // United Nations Convention to Combat Desertification. URL:<http://www.unccd.int/Lists/SiteDocumentLibrary/conventionText/conv-rus.pdf>. (дата обращения: 28.10.2014).

Дата поступления: 10.11.2014 г.

ETHNO-ECOLOGICAL HOUSEHOLD OF THE KALMYKS IN THE BEGINNING OF 20TH CENTURY

N. V. Badmaeva, B. V. Idzhaeva

Abstract: The article overviews traditional household of the Kalmyks at the beginning of 20th century within the framework of reasonable use of natural resources, kinds of traditional household, reasons of a modern disastrous ecological situation in the region.

Keywords: Traditional use of natural resources, ecological economic system of manufacture, environment, Kalmykia, Kalmyks, Kalmyk steppe, desertisation.